

А. П. Павлов

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ПОДПИСЕЙ ПОД УТВЕРЖДЕННОЙ ГРАМОТОЙ 1613 г.

Утвержденная грамота 1613 г. об избрании Михаила Федоровича Романова сохранилась в двух экземплярах, оба из которых — подлинники. На обороте обоих экземпляров стоят подлинные подписи соборных чинов — членов церковного Освященного собора и боярской думы, представителей столичного дворянства (стольников, стряпчих и московских дворян), дьяков и, наконец, выборных представителей от различных городов (духовенства, дворян и детей боярских, посадских людей, стрельцов и других чинов). Один экземпляр грамоты — Архивский хранится в настоящее время в Отделе рукописей РГБ¹, другой — в Оружейной палате². По мнению С. А. Белокурова, опубликовавшего и исследовавшего утвержденную грамоту 1613 г., более ранним по времени написания является экземпляр, хранящийся в Оружейной палате: текстологически он ближе находится к тексту утвержденной грамоты об избрании Бориса Годунова 1598 г.³ Но при этом лучше сохранился Архивский экземпляр, с которого было сделано фототипическое издание памятника⁴.

С. А. Белокуров обратил внимание на то, что 2-й и 3-й листы в обоих экземплярах грамоты короче остальных; причем вторые листы в обоих экземплярах написаны почерком, одинаковым с почерком 1-го листа, а третьи листы имеют иной вид. Это говорит о том, как отмечает С. А. Белокуров, что текст грамоты подвергался позднейшей переделке: из первоначального 2-го листа была оставлена без изменений лишь первая его половина, а вместо отрезанной второй половины листа был написан новый текст, составляющий ныне 3-и листы обоих экземпляров грамоты. При этом на третьих листах грамоты более поздними являются не только текст, но и содержащиеся на его обороте подписи.⁵

Если история основного текста утвержденной грамоты, составленного в апреле-мае 1613 г., достаточно полно изучена в литературе, то относительно подписания грамоты делегатами собора и дальнейшего редактирования ее до сих пор остается много неясностей. Уже давно исследователи заметили, что некоторые подписи, которые находятся на обороте грамоты, не могли быть поставлены в мае 1613 г. (как датируется сама грамота) и относятся к более позднему времени. Так, упомянутые в грамоте бояре кн. Д. М. Пожарский и И. Б. Черкасский получили боярство только в день венчания Михаила на царство (11 июля 1613 г.), а кн. А. Ю. Сицкий стал боярином только в 1615 г. Число подобных примеров достаточно велико.

Наиболее обстоятельное исследование состава и происхождения подписей под утвержденной грамотой 1613 г. принадлежит П. Г. Любомирову⁶. На основании тщательного изучения биографий лиц, подписавших утвержденную грамоту (с целью изучения вопроса о том, был ли реально тот или иной человек на соборе на Москве в 1613 г.), П. Г. Любомиров пришел к выводу, что в момент составления утвержденной грамоты (май 1613 г.) были поставлены лишь подписи духовенства (оборот первого листа) и выборных от городов (последние листы грамоты), тогда как подписи бояр, московских чинов и дьяков собирались в разное время, на протяжении нескольких лет (в 1613–1617 гг.).

© А. П. Павлов, 2009

А. А. Семин усомнился в выводах П. Г. Любомирова, справедливо отметив, что трудно допустить, чтобы грамота (причем одновременно оба ее экземпляра), положенная на сохранение в «хранила царские», постоянно на протяжении ряда лет была доступна для подписей. Проанализировав подписи бояр на обороте третьего листа (написанного и вставленного позднее), Семин пришел к выводу, что они были поставлены одновременно и относятся к лету 1616 г.: ставились со второй половины июня до августа 1616 г.⁷ Вывод А. А. Семина о том, что подписи на новом третьем листе ставились именно в 1616 г. представляется в целом убедительным, хотя предложенная им датировка нуждается в некотором уточнении. На обороте третьего листа Архивского экземпляра расположена подпись: «В князь Дмитриево места Мамстрюковича и в свое князь Василей Туренин руку приложил» (В Оружейном экз.: «В князь Дмитриево место Мамстрюковича Черкасского князь Василей Туренин руку приложил»). Подпись могла быть поставлена не ранее июня 1615 г. В июле 1613 г. кн. Д. М. Черкасский был отправлен в поход под Смоленск. Однако до июля 1613 г. в Москве отсутствовал кн. В. И. Туренин, который упоминается как воевода в Торопце в начале марта 1613 г.⁸, и еще в конце июня от него из Торопца приезжали посланцы в Москву, т. е. он мог возвратиться в Москву не ранее июля или августа⁹. Кн. Д. М. Черкасский вернулся из-под Смоленска лишь в июне 1615 г. и после этого, очевидно, находился в Москве до конца 1615 г.¹⁰ Кн. В. И. Туренин в 1614 г. был воеводой в Самаре, в июне 1615 г. упоминается на Москве, в октябре-ноябре 1615 г. он находился в походе против Лисовского, а 16 марта 1616 г. был назначен полковым воеводой во Мценск, где пробыл до зимы 1616 г. (еще 29 ноября 1616 г. от него из Мценска был отправлен в Москву сеунщик¹¹). Таким образом, кн. В. И. Туренин в 1616 г. мог подписать грамоту лишь до середины марта, а не летом 1616 г., как датирует подписи А. А. Семин. Вероятно, основная часть подписей на втором листе справа и на новом третьем листе могла быть поставлена еще в марте 1616 г. или ранее — в январе-феврале 1616 г. В частности, в марте 1616 г. ее вполне могли подписать боярин кн. А. Ю. Сицкий и окольничий А. В. Измайлов, отправленные тогда же под Смоленск. К началу марта вернулся в столицу из-под Смоленска боярин кн. И. А. Хованский, 8 марта 1616 г. за царским столом он был пожалован за смоленскую службу¹². Однако не все могли поставить свои подписи под грамотой в первые месяцы 1616 г. На обороте третьего листа стоит подпись боярина кн. Вл. И. Бахтеярова-Ростовского, который был воеводой в Нижнем Новгороде с лета 1613 г. по август 1616 г.¹³ Следовательно, он мог подписать грамоту не ранее августа 1616 г. Следует отметить, что его подпись стоит не вместе с другими боярскими подписями, а после подписей окольничих. Т. е. она была поставлена, очевидно, позднее, чем другие подписи думных людей даже на новом листе грамоты. Подпись его, впрочем, нельзя считать и слишком поздней — в 1616/17 г. он уже умер.

Когда и в связи с чем были произведены переделки грамоты, и появились новые подписи — этот вопрос нуждается в дальнейшем специальном исследовании. В частности, необходимо исследовать вопрос о датировке подписей московских чинов и дьяков и проверить наблюдения, сделанные относительно появления позднейших боярских подписей. Остается открытым вопрос о причинах появления новых (более поздних) подписей под утвержденной грамотой. Представляется спорным мнение А. А. Семина о подлоге утвержденной грамоты, сделанном узкой группой родственников и приближенных Романовых — круг лиц, поставивших свои подписи после 1613 г. под вновь отредактированным текстом грамоты, был более широким и разнообразным. Так, едва ли входил в круг романовских приближенных в первые годы царствования Михаила князь Д. М. Пожарский. Среди

лиц, подписавших грамоту после 1613 г., как мы увидим ниже, было немало представителей московских чинов и дьяков.

Не претендуя на окончательное решение поставленных вопросов (необходимо не только привлечение новых биографических сведений о лицах, подписавших грамоту, но и тщательное палеографическое обследование обоих экземпляров грамоты), выскажем лишь некоторые предварительные соображения.

Грамота после ее подписания и утверждения в мае 1613 г. неоднократно извлекалась из «хранилищ царских» (согласно описи 1614 г. оба экземпляра грамоты находились в то время в Посольском приказе¹⁴). После 1613 г. с утвержденной грамоты была сделана парадная копия в виде книги. Известно, что работа над изготовлением книги проводилась в январе 1614 г., феврале и декабре 1615 г. 18 января 1614 г. и 12 декабря 1615 г. подьячему Посольского приказа Ивану Федорову Каше выдавалось государево жалование за написание «царского поставления в книгу», а 4 февраля 1615 г. за изготовление «государевой книги Утвержденной грамоты» был дан аршин бархату золотописцу Мине Быкову¹⁵. Таким образом, работа над «написанием» и оформлением книги была окончена не ранее 12 декабря 1615 г. Столь долгая работа по «написанию» книги дает основание предположить, что наряду с перепиской текста грамоты в книгу параллельно могло проводиться и редактирование текста грамоты. По-видимому, окончательное редактирование текста утвержденной грамоты так же, как и написание книги, завершилось не ранее декабря 1615 г., т. е. в это время был отредактирован второй лист грамоты и появился новый (написанный заново) третий лист, куда была вставлена речь митрополита Филарета с Лобного места, в которой он призывал жителей Москвы не избирать на Московское государство сына короля Сигизмунда Владислава. В тексте грамоты появились и некоторые другие вставки¹⁶. В связи с этим возникла потребность заполнить оборотную сторону нового листа подписями. Подписи на обороте нового третьего листа (бояр, окольных, кравчего), а также новые подписи бояр на обороте предыдущего второго листа, как отмечалось выше, были проставлены на грамоте весной и в конце лета — начале осени 1616 г.

Сложнее, ввиду скудости биографических данных, датировать подписи московских чинов и дьяков. П. Г. Любомиров, проанализировав биографии представителей московских чинов и дьяков, подписавших грамоту, а также порядок расположения их подписей на оборотных сторонах четвертого и пятого листов, пришел к выводу о том, что все эти подписи относятся к более позднему времени, чем сама грамота, т. е. они были поставлены не в мае-июне 1613 г., а позже, на протяжении 1614–1617 гг. Но, как говорилось выше, трудно допустить, чтобы оба экземпляра утвержденной грамоты были постоянно открыты для подписания на протяжении нескольких лет. Кроме того, если подписи на обороте четвертого и пятого листов поздние, то и сам текст грамоты на этих листах является поздним, т. е. был написан, как и третий лист грамоты, позже (не подтверждается данными палеографии).

Рассмотрим аргументацию П. Г. Любомирова. В качестве одного из аргументов, приводимых исследователем в пользу позднего происхождения подписей столичных чинов и дьяков, фигурирует отсутствие под утвержденной грамотой подписей ряда знатных стольников, которые явно были на Москве в мае-июне (участвовали на встрече государя в начале мая, присутствовали на его коронации и торжественных обедах по этому случаю)¹⁷. Но подписи наиболее видных и родовитых стольников (с имен которых должны были открываться подписи представителей этого чина), скорее всего, могли располагаться на вырезанной второй половине второго листа, который был заменен новым (третьим) листом. Кстати, этим можно объяснить и то обстоятельство (не раз вызывавшее недоумение

у исследователей), что сохранились лишь боярские, а не первоначальные (в качестве стольников) подписи кн. Д. М. Пожарского и других лиц. Действительно, не ждали же они боярства, чтобы поставить свои подписи под утвержденной грамотой. Вторым аргумент П. Г. Любомирова заключается в том, что при наличии ряда бесспорно поздних подписей на четвертом и пятом листах грамоты (об этом мы скажем ниже) не удастся обнаружить ни одного прямого доказательства того, что грамоту подписывали именно в мае-июне 1613 г., а не позже (это, впрочем, не удивительно, учитывая крайне скудные и отрывочные сведения источников)¹⁸. Есть, правда, данные, что некоторые из подписавших утвержденную грамоту представителей московских чинов присутствовали в Москве в мае — июле 1613 г. (встречали государя в Москве 2 мая, присутствовали на торжествах царского венчания и т. д.) и могли поставить свои подписи под первоначальным вариантом грамоты. Так, стольник кн. А. М. Львов, подписавший грамоту за кн. Ю. Я. Сулешова (Л. 4. Строка 3. Подпись 3¹⁹) и за себя (Л. 4. Строка 5. Подпись 1), в мае — июне был в Москве²⁰. В начале февраля 1614 г. кн. А. М. Львов был отправлен на войну «в Литовскую землю» и вернулся в Москву только в 7124 (1615/16 г.)²¹. Он не мог подписать грамоту после 7124 г., т. к. кн. Ю. Я. Сулешов, за которого он также подписался, 2 февраля 1615 г. получил чин боярина. Кн. А. М. Львов, следовательно, мог подписать грамоту либо в мае-июне 1613 г., либо позже (в конце лета 1613 г. — начале февраля 1614 г.). П. Г. Любомиров отдает предпочтение последней датировке на том основании, что подпись кн. Львова за кн. Сулешова стоит третьей в строке²². Любомиров исходит из допущения о том, что подписи, поставленные справа в строке, обязательно являются поздними, вторичными. Данный порядок действительно наблюдается при анализе подписей бояр на втором листе грамоты. Первоначально бояре ставили свои подписи одну под другой (в столбец), подписи же, поставленные справа от них (бояре кн. А. Ю. Сицкий, кн. И. Н. Одоевский, Б. М. Салтыков и др.), являются поздними. Однако данный порядок соблюдался не для всех чинов. Подписи выборных от городов, а их первичность никем не оспаривается²³, располагаются в грамоте не в столбец, а в строку, одна за другой. Подобным же образом (в строку) ставили свои подписи и представители московских чинов (четвертый и пятый листы грамоты). В этом можно убедиться, если сравнить порядок подписей в Архивском и Оружейном экземплярах утвержденной грамоты²⁴. Вот примеры последовательного построчного расположения подписей московских чинов в обоих экземплярах грамоты: подпись стряпчего Григория Образцова в экземпляре Оружейной палаты расположена первой в строке, а в Архивском экземпляре в той же строке — второй; следующая за ним подпись стольника кн. И. Лобанова-Ростовского соответственно расположена в Оружейном экземпляре 2-й в строке, в Архивском — 1-й; следующая подпись стольника кн. Ф. Сицкого в экземпляре Оружейной палаты — 1-я в строке, а в Архивском экземпляре — 2-я; подписи стряпчего кн. П. Волконского и стольника И. Траханиотова соответственно в Оружейном списке 2-я и 1-я, а в Архивском — 1-я и 2-я и т. д. Порядок расположения подписей представителей столичных чинов в обоих экземплярах грамоты совпадает, правда, далеко не всегда. Так, подпись стольника кн. Ф. Б. Татеева в Оружейном экземпляре расположена в начальной части подписей стольников, а в Архивском — ближе к концу. Но для нас здесь важно другое: общий порядок последовательного построчного подписания грамоты московскими чинами и дьяками в целом соблюдался. Характерно, что вслед за подписью стольника Б. И. Морозова (1-й в строке) на той же строке идет подпись его брата Г. И. Морозова (2-я в строке). Вряд ли можно считать подпись Г. И. Морозова более поздней (поставленной спустя несколько месяцев или лет), скорее всего оба брата

(молодые стольники, служившие все время в Москве) подписали грамоту одновременно. Мы не можем, вслед за П. Г. Любомировым, считать подписи московских чинов и дьяков, расположенные справа на строке непременно поздними.

Таким образом, у нас нет оснований сомневаться, что подпись кн. А. М. Львова была сделана именно в мае-июне 1613 г., а не позднее. Вряд ли можно сомневаться и по поводу ранней датировки подписи И. И. Чемоданова. И. И. Чемоданов подписал грамоту без обозначения чина (т. е., очевидно, как дворянин московский). Известно, что в 7122 (1613/14) г. он был пожалован из дворян в стряпчие с ключом, и, следовательно, его подпись была поставлена не позднее этого времени. И. И. Чемоданов мог подписать грамоту и в мае-июне 1613 г. и позднее, в 1614 г. П. Г. Любомиров отдает предпочтение последней датировке. Однако его аргументацию: «подпись Чемоданова — вторая в строке, очевидно, требует отнесения к 7122 г.»²⁵, исходя из сказанного выше, нельзя признать убедительной. Кстати, в варианте грамоты Оружейной палаты подпись И. И. Чемоданова значится первой в строке.

Вряд ли можно вслед за П. Г. Любомировым считать непременно позднейшими (поставленными после мая-июня 1613 г.) подписи группы дьяков на четвертом листе грамоты — Федора Шушерина, Ждана Шилова, Ивана Болотникова и Патрикея Насонова — на основании лишь их расположения вперемежку с подписями московских дворян и стряпчих, а также на вторых и третьих местах в строках²⁶. Известно, что все эти дьяки в 1613 г. находились в Москве, сидели в приказах и вполне могли подписать утвержденную грамоту в мае-июне 1613 г. Особого внимания заслуживает подпись Алексея Шапилова, стоящая первой в ряду на последней строке четвертого листа Архивского экземпляра. 11 июля 1613 г. А. Шапилов упоминается как дьяк в чине венчания Михаила Федоровича²⁷, но уже в августе 1613 г. и в январе — марте 1614 г. он носит чин думного дьяка²⁸, а с 7123 г. он уже дворянин московский²⁹. А. Шапилов упоминается в утвержденной грамоте без чина (без чина, впрочем, подписывались здесь другие дьяки). Вряд ли он подписал грамоту, будучи думным дьяком — подпись думного дьяка Сыдавного Васильева с обозначением этого чина стоит выше, рядом с подписями думных чинов. П. Г. Любомиров без специальной аргументации считает, что А. Шапилов подписал грамоту в качестве московского дворянина, т. е. не ранее 7123 г. Можно допустить, однако, что Шапилов мог подписать грамоту и в качестве дьяка (не думного). Если это так, то его подпись на грамоте могла появиться не позднее августа 1613 г., а именно в момент подписания первоначального текста утвержденной грамоты. В целом у нас нет достаточных оснований усомниться в том, что основная часть подписей московских чинов и дьяков на листах 4 и 5 относится ко времени первоначального подписания утвержденной грамоты в мае-июне 1613 г.³⁰

О том, что существовали как первоначальные, так и поздние подписи, свидетельствует уже тот факт, что некоторые лица успели поставить свои подписи под утвержденной грамотой дважды: в мае-июне 1613 г., а затем позднее. Так, кн. Фома Дм. Мезецкой подписал грамоту и как стряпчий, и как стольник (чин стряпчего он носил в 1613 г., а стольником стал только в 1616 г.). Дважды подписался под утвержденной грамотой также и Соловой Протасьев. В одном случае он подписался одновременно за князя М. И. Солнцева-Засекина и за себя — № 118 в Архивском экземпляре («Соловой протасьев в князя Михайлова места Солцава и в свое руку приложил») и № 108 — в Оружейном («Соловой Протасьев и в князь Михайлово места Сонцова руку приложил»). В экземпляре Оружейной палаты Протасьев подписался еще и отдельно, в конце подписей московских чинов и дьяков (№ 147 — «Соловой Протасьев руку приложил»). В пользу того, что С. Протасьев

подписался за себя в Оружейном экземпляре дважды, а не один раз за кн. Солнцева-Засекина, а другой за себя, говорит предлог «и» в его подписи за кн. М. И. Солнцева: «Соловой Протасьев и в князь Михайлово места Сонцова руку приложил». П. Г. Любомиров считает его подпись позднейшей. В боярском списке 1611 г., отмечает Любомиров, он числился в выборе по Мещере; приехал в Москву в марте 1613 г. в качестве сеунщика, а в начале мая 1613 г. был назначен послом в Турцию, откуда вернулся лишь в начале 1615 г.; по-видимому, за это посольство он получил чин московского дворянина и лишь тогда мог приложить руку в группе московских чинов³¹. Однако реально посольство в Турцию выехало из Москвы в июне месяце 1613 г.³² и С. Протасьев, а также его товарищ по посольству дьяк М. Данилов (его подпись также стоит под утвержденной грамотой) могли подписать грамоту еще до своей отправки в Турцию³³. Кн. М. И. Солнцев-Засекин, за которого подписался С. Протасьев, также находился в то время в Москве: в конце апреля он входил в состав второго посольства от земского собора к царю Михаилу и прибыл в Москву вместе с государем 2 мая 1613 г.³⁴ Чин московского дворянина С. Протасьев мог получить еще до отправки в посольство. Во всяком случае, в сыскной десятне по Мещере 1615 г. среди выборных дворян его имя отсутствует³⁵. Впрочем, он мог подписаться за кн. М. И. Солнцева-Засекина в любом чине. Любопытно, что кн. М. И. Солнцев-Засекин так же, как и С. Протасьев, в начале XVII в. служил в выборных по Мещере (упоминается в этом качестве в боярских списках 1602/03 и 1606/07 гг.³⁶). К 1613 г. М. И. Солнцев-Засекин стал московским дворянином³⁷. По всей вероятности, подписи С. Протасьева за кн. Солнцева-Засекина и за себя являются первичными, поставленными в мае-июне 1613 г., а подпись, поставленная на экземпляре Оружейной палаты отдельно за себя (в конце подписей московских чинов) — вторичной. Последняя могла быть поставлена уже после того, как Протасьев вернулся из посольства (в начале 1615 г.). В боярской книге 1615 г. он значится как дворянин московский³⁸. В апреле 1616 г. С. Протасьев упоминается на Москве, он был приставом у английского посла³⁹.

Таким образом, вопреки мнению П. Г. Любомирова, подписи московских чинов в основе своей относятся к первоначальному варианту грамоты. Однако мы встречаем и более поздние подписи, которые вставлялись на свободные места. В их числе следует назвать подписи стольников кн. Семена (Васильевича) Прозоровского (упоминается без чина) и Леонтия (Андреевича) Вельяминова (Воронцова). Они выделяются от остальных подписей уже по своему расположению: явно вписаны в свободное пространство между строк. Еще в апреле 1613 г. они были отправлены от царя Михаила из Ярославля под Псков против шведов и находились в этом походе до конца 1613 г., т. е. отсутствовали в Москве во время первоначального подписания утвержденной грамоты⁴⁰. Вернулись они в Москву лишь в декабре 1613 г. и были жалованы государем у стола «за тихвинскую службу и за осадное сидение»⁴¹. Л. А. Вельяминов в апреле 1614 г. находился в Москве, прислуживал за царскими столами; летом 1614 г. он был назначен воеводой под Тихвин, упоминается там и в сентябре 1614 г. П. Г. Любомиров считает, что он умер вскоре после сентября 1614 г. Однако, по сведениям еп. Никодима, он умер после 1615 г. и погребен в Московском Богоявленском монастыре⁴². Упоминается как воевода в приходе-расходной книге Разряда 7123 г.⁴³ Кн. С. В. Прозоровский, в апреле и октябре 1614 г. упоминается на Москве; 22 марта 1615 г. был назначен полковым воеводой во Мценск, но на службе не был «за болезнью»; в апреле, июле 1616 г. и 1 января 1617 г. был рындой на встречах персидского посла, а 6 января 1617 г. ему было указано идти воеводой под Дорогобуж⁴⁴. Упоминается в походе в марте-апреле 1617 г., а и июне был уже на Москве⁴⁵.

Явно поздней является подпись стольника Фомы Мезецкого (также вписана на грамоте между строк), который, как мы упоминали выше, подписал грамоту и как стряпчий. Подпись его как стольника не могла быть дана ранее 1615 г. — в боярской книге 1615 г. он значится еще как стряпчий⁴⁶. О его дальнейшей службе известно, что он был прислан в апреле 1617 г. из-под Ладоги от послов окольничего кн. Д. И. Мезецкого с тов. в Москву с известием (с сеунчем) о заключении мирного договора со шведами; упоминается здесь как стольник⁴⁷. Очевидно, он находился в составе посольства с самого начала. Известно, что послы кн. Д. И. Мезецкой, А. И. Зюзин с тов. были отпущены из Москвы в 1616 г. на посольский съезд на шестой неделе после Пасхи⁴⁸. Пасха в 1616 г. приходилась на 31 марта и, следовательно, послы отправились из Москвы 5 мая 1616 г.⁴⁹ Очевидно, к этому времени Ф. Мезецкой получил чин стольника. Дважды, как мы отмечали, подписал грамоту Соловой Протасьев. Вторично он мог подписать ее уже после января 1615 г. Лишь в конце 1615 — первые месяцы 1616 г. (до марта), как мы видели, мог поставить свою подпись кн. В. И. Туренин (Л. 4. Строка 4 сверху); его подпись единственная в строке, очевидно, он подписался на свободном пространстве. Не мог подписать грамоту в мае-июне 1613 г. Федор (Иванович) Погожев (Л. 5, Строка 2 сверху, подпись единственная на строке): с февраля 1613 г. до апреля 1614 г. он упоминается на воеводстве в Угличе⁵⁰. Следующий раз упоминается только с лета 1617 г., когда был послан воеводой в поход против «литовских людей»⁵¹. Явно поздней является подпись кн. И. П. Буйносова-Ростовского. Об этом говорит уже ее расположение — знатный князь расписался после всех других московских дворян и дьяков, перед выборными представителями от городов (Л. 6 об.). Князь был послан летом 1612 г. из Ярославля в Тобольск и находился там до января 1616 г.⁵² Вряд ли мог подписать грамоту в 1613 г. Иван (Иванович) Чичерин, который за службу Сигизмунду III был отдан за пристава⁵³. На службе упоминается с 1616 г.: 16 марта был назначен воеводой сторожевого полка в Новосиль, где оставался и в ноябре 1616 г.⁵⁴ По-видимому, позднейшей является подпись кн. Романа (Петровича) Пожарского. С 1612 г. он находился воеводой в Суздале. Был там в марте и 12 апреля 1613 г., а 19 апреля 1613 г. ему было велено идти из Суздаля в поход к воеводе кн. И. Н. Одоевскому в походе против Заруцкого. После 29 июня 1613 г. вместе с другими воеводами был отпущен к Москве, но упоминается в походе еще 30 июля 1613 г.⁵⁵ Далее он упоминается на службе с 7133 г.⁵⁶

Явно поздними являются некоторые подписи дьяков на обороте пятого листа. Богдан Кашкин в 1613 и 1614 гг. был еще подьячим и лишь с августа 1615 г. упоминается как дьяк⁵⁷. Булгак Милованов до 1614 г. значился как торговый человек гостиной сотни, лишь с января 1615 г. известен как дьяк⁵⁸. Дьяк Федор Лихачев еще в апреле 1613 г. был послан от царя из Ярославля в Казань⁵⁹, где находился до мая 1615 г.⁶⁰ Последней на листе (после подписей Федора Красного и Никифора Грекова, чины которых неизвестны: возможно, это дворцовые служители) стоит подпись Григория Ефимьева, который еще в июле 1615 г. служил в подьячих⁶¹. Вероятно, поздней является подпись Михаила Огаркова, который с 18 декабря 1612 г. по 5 июля 1613 г. упоминается как дьяк в Галиче⁶². Нет, однако, оснований считать вслед за П. Г. Любомировым все подписи дьяков на пятом листе позднейшими. Дьяк Иван Васильев в январе-марте 1613 г. был дьяком во Владимире⁶³. Но 11 мая за его приписью из Москвы посылается грамота на Вологду⁶⁴, т. е. он вполне мог подписать грамоту в мае-июне 1613 г. Дьяк Андрей Вареев находился в составе посольства от земского собора к Михаилу Романову в Кострому; 25 апреля 1613 г. скрепил царскую грамоту о нетчиках⁶⁵; очевидно, прибыл в Москву вместе с государем в начале мая и в мае мог подписать утвержденную грамоту перед отправкой в Нижний Новгород. В конце

апреля 1613 г. бил челом государю о возвращении вотчины дьяк Михаил Данилов; в июне 1613 г. он вместе с С. Протасьевым отправился в посольство в Турцию и мог подписать утвержденную грамоту до своего отъезда из Москвы⁶⁶. У нас нет определенных данных о нахождении и службах в 1613 г. дьяков Ф. Апраксина, М. Поздеева, С. Зеленого и некоторых других дьяков. Не может свидетельствовать о позднем происхождении подписей, как мы уже отмечали, их расположение на вторых и третьих местах в строках — в отличие от подписей думных людей, подписи московских чинов, дьяков, а также выборных от городов ставились не в столбец (одна под другой), а построчно.

Поздними следует, очевидно, считать подписи некоторых дворян московских, стоящие среди подписей выборных представителей от городов. Такова подпись Максима (Ивановича) Радилова (дворянин московский в 1611–1630/31 гг.), расположена в Архивском экземпляре между выборными из Кашина и Калуги (№ 160); хотя в Оружейном экземпляре она находится среди дворян московских (№ 113). В Оружейном экземпляре между выборными от Калуги и Кашина стоит подпись Ивана Селунского (Ивана Дмитриевича Селунского, дворянина московского в 1598–1629/30 гг.); в Архивском — его подпись отсутствует.

Анализ состава поздних подписей стольников, стряпчих, дворян московских и дьяков в целом подтверждает приведенные выше наблюдения относительно датировки поздних боярских подписей: и те, и другие собирались, вероятнее всего, в 1616 г. Кн. В. И. Туренин мог подписать грамоту во второй половине 1615 г. — начале 1616 г. Не ранее января 1616 г. мог подписать грамоту кн. И. П. Буйносов-Ростовский. Не ранее 1615 г. мог расписаться в качестве стольника кн. Ф. Д. Мезецкой — в боярской книге 1615 г. он значится еще как стряпчий⁶⁷. Лишь с марта 1616 г. упоминается на службе И. И. Чичерин (подписался, как и бояре, очевидно, в первые месяцы 1616 г., т. к. в марте 1616 г. послан воеводой в Новосиль, где оставался до ноября). Не ранее 1615 г., по возвращении из посольства в Турцию, мог подписать грамоту Соловой Протасьев (его вторая подпись за себя). Между августом 1615 г. (был еще подьячим) и июнем 1616 г. (впервые упоминается как дьяк) мог поставить подпись под грамотой дьяк Богдан Кашкин. Не ранее 1615 г. мог расписаться дьяк Булгак Милованов. Только позже июля 1615 г. мог расписаться дьяк Григорий Евфимьев. Не ранее мая 1615 г. поставил подпись дьяк Ф. Лихачев. Нет противоречащих данных тому, что и другие поздние подписи московских чинов и дьяков следует датировать временем не ранее второй половины 1615 г., а, скорее всего, 1616-м г. (не позднее конца 1616 г.). Основная часть новых подписей думных людей, московских чинов и дьяков была поставлена, очевидно, еще в первые месяцы 1616 г., до середины марта, когда кн. В. И. Туренин и И. И. Чичерин были отправлены воеводами в полки. С другой стороны, подписи ставились и в конце лета — осенью (боярин кн. В. И. Бахтеяров-Ростовский до августа 1616 г. находился на воеводстве в Нижнем и, возможно, мог вернуться в Москву в сентябре).

Появление новых подписей под утвержденной грамотой совпадает по времени с деятельностью земского собора 1616 г., первая сессия которого проходила между 22 февраля и 18 марта, а в сентябре соборные заседания продолжались⁶⁸. Не были ли связаны окончательное утверждение отредактированного текста грамоты и сбор новых подписей с земским собором? Действительно, как мы видели, не ранее декабря 1615 г. (т. е. незадолго до начала созыва земского собора 1616 г.) было закончено составление книги царского избрания на основе текста утвержденной грамоты и, очевидно, лишь к этому времени было закончено редактирование текста самой грамоты.

Таким образом, можно полагать, что основная часть подписей, поставленных под утвержденной грамотой, — это подписи современные ее составлению (май-июнь 1613 г.).

Новые рукоприкладства появились не в результате длительного, многолетнего процесса подписания грамоты, а практически одновременно (в первых месяцах 1616 г., а частично — осенью того же года). Целиком новые подписи стоят только на третьем коротком листе грамоты (подписи части бояр, окольных и дворцовых чинов); на других листах новые подписи поставлены на места, оставшиеся свободными после первоначального подписания грамоты (более четкое выделение первоначальных и новых подписей — задача будущих специальных исследований. Сказанное выше не дает оснований умалять ценность утвержденной грамоты как источника для изучения состава и структуры земского собора 1613 г. Следует, однако учитывать, что стоящие на обороте утвержденной грамоты подписи отражают состав земского собора на заключительном этапе его деятельности (май-июнь 1613 г.) и не дают полного и точного представления о составе участников январско-февральских соборных совещаний, на которых обсуждались кандидатуры на царский престол, и в конечном итоге был избран на царство Михаил Федорович.

¹ В 1920 г. этот экземпляр утвержденной грамоты был передан из МГАМИД в Отдел рукописей Румянцевского музея (ныне ОР РГБ), где находится до настоящего времени (см. подробнее: *Ахилюк Ю. В.* Материалы Древлехранилища в фондах ОР РГБ // Памяти Лукичева. Сб. статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 698–702, 704).

² Архив Оружейной палаты. № 9714.

³ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / с предисл. С. А. Белокурова. М., 1906. С. 11.

⁴ Утвержденная грамота 1613 г. / с предисл. С. А. Белокурова. Б. м., [1904]. Из Оружейного экземпляра в издании для образца воспроизведены лишь отдельные фрагменты.

⁵ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / с предисл. С. А. Белокурова. М., 1906. С. 5.

⁶ *Любимиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 242–270.

⁷ *Семин А. А.* К истории «Утвержденной грамоты» Земского собора 1613 г. // Археографический ежегодник за 1980 г. М., 1981. С. 103.

⁸ Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994. С. 22.

⁹ *Любимиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 258.

¹⁰ *Любимиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 258.

¹¹ Книга сеунчей 1613–1619 гг. / подг. к печ. А. Л. Станиславский и С. П. Мордовина // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М., 1995. Т. I. С. 50; *Любимиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 259.

¹² Книга сеунчей 1613–1619 гг. / подг. к печ. А. Л. Станиславский и С. П. Мордовина // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М., 1995. Т. I. С. 41.

¹³ *Любимиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 256–257; *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 149; Дворцовые разряды: в 4 т. СПб., 1850. Т. I. Стлб. 240; Книги разрядные: в 2 т. СПб., 1853. Т. I. Стлб. 182.

¹⁴ Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 96.

¹⁵ Дополнение к Дворцовым разрядам // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1882. Кн. I. Стлб. 15, 46, 39; Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / с предисл. С. А. Белокурова. М., 1906. С. 10.

¹⁶ *Белокурова С. А.* Предисловие // Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / с предисл. С. А. Белокурова. М., 1906. С. 5–6.

¹⁷ *Любимиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 260.

¹⁸ *Любимиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 260–261.

¹⁹ Сведения здесь и далее приводятся по фототипическому изданию утвержденной грамоты, сделанному по более хорошо сохранившемуся Архивскому экземпляру: Утвержденная грамота 1613 г. / с предисл. С. А. Белокурова. Б. м., [1904].

²⁰ Выехал в составе посольства от земского собора встречать государя в конце апреля; упоминается в свите ближних стольников на торжествах коронации Михаила Федоровича (Дворцовые разряды: в 4 т. СПб., 1850. Т. I. Стлб. 1173;

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел: в 5 ч. М., 1822. Ч. III. С. 72).

²¹ *Любомиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 261.

²² *Любомиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 260–261.

²³ В пользу данного положения можно привести следующий факт. Среди выборных представителей от города Романова значится Фока Ратманов с. Дуров (Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / с предисл. С. А. Белокурова. М., 1906. С. 89, 91), однако уже в 7122 (1613/14) г. он упоминается как дворянин московский в списке петчиков («дворяне московские на службу не бывали») войска боярина кн. Д. Т. Трубецкого, посланного под Новгород против шведов (РГАДА. Ф. 210. Оп. Столбцы Московского стола. № 6. Ч. I. Л. 243). Войска Трубецкого выступили в поход в сентябре 1613 г. и, очевидно, уже к этому времени Ф. Р. Дуров стал московскими дворянином.

²⁴ Мы пользуемся фототипическим воспроизведением подписей на обоих экземплярах грамоты по публикации С. А. Белокурова: Утвержденная грамота 1613 г. / с предисл. С. А. Белокурова. Б. м., [1904]. В издании полностью воспроизведены листы с подписями Архивского экземпляра; подписи экземпляра Оружейной палаты представлены лишь частично.

²⁵ *Любомиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 262.

²⁶ Вперемежку подписывались в строках и представители самих московских чинов — стольников, стряпчих и дворян московских.

²⁷ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел: в 5 ч. М., 1822. Ч. III. С. 71; см. о нем также: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 572.

²⁸ *Любомиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 264; *Лукичев М. П.* Боярские книги XVII в. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 196; РГАДА. Ф. 210. Оп. Столбцы Приказного стола. № 3. Столбик 2. Л. 97; *Сухотин Л. М.* Четвертки Смутного времени (1604–1617 гг.). М., 1912. С. 267.

²⁹ *Любомиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 264.

³⁰ Не позднее декабря 1613 г. поставил подпись дворянин Монсей (Федорович) Глебов. С декабря 1613 г. по октябрь 1616 г. он упоминается на воеводстве на Двине (*Барсуков А. П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 64). До этого времени он был в Москве и мог подписать грамоту. П. Г. Любомиров относит его посылку на Двину на основании показания частных разрядных книг к 7121 (1612/13) г. (*Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 256, 263.) и считает, что подпись он поставил после октября 1616 г. Однако по крайней мере до 29 июля 1613 г. он не мог находиться на Двине, т. к. в это время там упоминается еще прежний воевода Н. М. Пушкин (*Барсуков А. П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 64). Присутствовали в Москве и могли поставить подписи под первоначальным текстом утвержденной грамоты и другие лица. Стольник И. В. Морозов упоминается на церемонии царского венчания 1613 г. (Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел: в 5 ч. М., 1822. Ч. III. С. 72), а в 7122–7123 гг. он был воеводой на Белой (Дворцовые разряды: в 4 т. СПб., 1850. Т. I. Стлб. 148, 190). Григорий Образцов в 1612–1613 (до января) гг. был воеводой на Белоозере, затем присутствовал, очевидно, в Москве (30 ноября 1613 г. и в январе, и июле 1614 г. был судьей приказа Большого прихода. См.: *Сухотин Л. М.* Четвертки Смутного времени (1604–1617 гг.). М., 1912. С. 260; *Боговявленский С. К.* Приказные судьи XVII в. // *Боговявленский С. К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII вв. М., 2006. С. 51), а в 7123–7124 гг. находился на воеводстве во Ржеве (*Барсуков А. П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 191).

³¹ *Любомиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 262.

³² *Флоря Б. Н.* Русское посольство в Стамбуле в 1613 г. и Речь Посполитая // *Советское славяноведение*. М., 1982. Вып. I. С. 48–49.

³³ Этой точки зрения придерживается и С. А. Белокуров (Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / с предисл. С. А. Белокурова. М., 1906. С. 14).

³⁴ Дворцовые разряды: в 4 т. СПб., 1850. Т. I. Стлб. 1189.

³⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. Дела десяти. № 59. Л. 3–5; Готье Ю. В. Десятни по Владимиру и Мещере 1590 и 1615 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1911. Кн. I. Отд. I. С. 51–89.

³⁶ Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г.: в 2 ч. М., 1979. Ч. I. С. 218; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII в. 1601–1608. Сб. документов. М., 2003. С. 143.

³⁷ Дворцовые разряды: в 4 т. СПб., 1850. Т. I. Стлб. 1189.

³⁸ Акты Московского государства: в 3 т. СПб., 1890. Т. I. С. 145.

- ³⁹ Дворцовые разряды: в 4 т. СПб., 1850. Т. I. Стлб. 219, 224.
- ⁴⁰ *Любимиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 261.
- ⁴¹ Книга сеунчей 1613–1619 гг. / подг. к печ. А. Л. Станиславский и С. П. Мордовина // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М., 1995. Т. I. С. 20–22.
- ⁴² *Никодим, еп.* Описание Московского Богоявленского монастыря. М., 1877. С. 17; *Вел. кн. Николай Михайлович.* Московский некрополь: в 3 т. СПб., 1907. Т. I. С. 192.
- ⁴³ Русская историческая библиотека. М., 1912. Т. 28. С. 303.
- ⁴⁴ Дворцовые разряды: в 4 т. СПб., 1850. Т. I. Стлб. 129, 157–159, 172–174, 224, 225, 228, 229, 261–264.
- ⁴⁵ Книга сеунчей 1613–1619 гг. / подг. к печ. А. Л. Станиславский и С. П. Мордовина // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М., 1995. Т. I. С. 55–56; Дворцовые разряды: в 4 т. СПб., 1850. Т. I. Стлб. 266.
- ⁴⁶ Акты Московского государства: в 3 т. СПб., 1890. Т. I. С. 141.
- ⁴⁷ Книги разрядные: в 2 т. СПб., 1853. Т. I. Стлб. 309; Дворцовые разряды: в 4 т. СПб., 1850. Т. I. Стлб. 271.
- ⁴⁸ Дворцовые разряды: в 4 т. СПб., 1850. Т. I. Стлб. 227.
- ⁴⁹ Согласно договоренностям со шведской стороной послы должны были съехаться между Тихвином и Ладогой к 31 мая (*Саловьев С. М.* Соч.: в 18 кн. М., 1990. Кн. V. История России с древнейших времен. Т. 9–10. С. 80).
- ⁵⁰ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в.: в 4 т. / сост. А. В. Антонов. М., 1998. Т. II. С. 343–344; *Любимиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 261.
- ⁵¹ Дворцовые разряды: в 4 т. СПб., 1850. Т. I. Стлб. 278.
- ⁵² *Любимиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 263, 273.
- ⁵³ *Любимиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 156, 264.
- ⁵⁴ Дворцовые разряды: в 4 т. СПб., 1850. Т. I. Стлб. 211–214, 357.
- ⁵⁵ *Веселовский С. Б.* Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611–1613 гг. М., 1911. С. 101, 102; Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994. С. 18, 26, 63, 77; Разрядные книги 1598–1638. М., 1974. С. 244, 250; Книга сеунчей 1613–1619 гг. / подг. к печ. А. Л. Станиславский и С. П. Мордовина // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М., 1995. Т. I. С. 20; *Любимиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 191.
- ⁵⁶ Дворцовые разряды: в 4 т. СПб., 1850. Т. I. Стлб. 630.
- ⁵⁷ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 231; *Любимиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 266.
- ⁵⁸ *Любимиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 266.
- ⁵⁹ Дворцовые разряды: в 4 т. СПб., 1850. Т. I. Стлб. 1124, 1139; *Лукичев М. П.* Боярские книги XVII в. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 193.
- ⁶⁰ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 297.
- ⁶¹ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 178.
- ⁶² *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 382.
- ⁶³ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 82.
- ⁶⁴ Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994. С. 104.
- ⁶⁵ Дворцовые разряды: в 4 т. СПб., 1850. Т. I. Стлб. 67, 1148.
- ⁶⁶ Дворцовые разряды: в 4 т. СПб., 1850. Т. I. Стлб. 106, 1167–1170; *Флоря Б. Н.* Русское посольство в Стамбуле в 1613 г. и Речь Посполитая // Советское славяноведение. М., 1982. Вып. I. С. 48–49.
- ⁶⁷ Столбец боярской книги 7124 г. стал оформляться еще в конце 7123 г., т. е. летом 1615 г. (*Лукичев М. П.* Боярские книги XVII в. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 53).
- ⁶⁸ *Черетин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 223–225.